

регулярная переработка сюжета или жанра). Второе — то, что характерно для определенно-го этапа ее существования, когда культура претерпевает фундаментальные изменения, своего рода «катастрофу» или «кризис истории» (оно сочетается, в частности, с феноменами ностальгии и травмы). В некоторых исследовательских работах отмечается симбиоз двух видов отношений. В своем докладе Вьюгин детально рассмотрел эволюцию «эсхатологического» подхода к культурному ресайклингу («между ностальгией и новыми медиа»), в рамках которого негативное отношение к последнему, восходящее к критике позднего капитализма, по мнению исследователя, постепенно заменяется на нейтральное или даже позитивное. Был сделан обзор монографий С. Рейнольдса («Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого», 2011), Э. Наваса («Теория ремикса: эстетика сэмплирования», 2012),

П. Грейнджа («Монохромные воспоминания: ностальгия и стиль в Америке 1990-х годов», 2002), сборников «Культуры ресайклинга» (2008, под ред. С. Мартин) и «Культура ресайклинга / Ресайклинг культуры» (2011, под ред. В. Калаги, М. Кубиш, Я. Мылды). По мысли Вьюгина, «культурный ресайклинг» — не *изобретение* какого-либо времени, он не принадлежит исключительно периоду позднего капитализма, постмодерна или модерна. Какие бы смыслы в это выражение ни вкладывались, «культурный ресайклинг» представляет собой *открытие*, поскольку этот термин всего лишь по-новому описывает целый ряд давно известных практик повтора / переработки, которые прежде казались очень разными и между собой мало связанными.

© Н. В. Семенова

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-276-279

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ А. С. ПУШКИНА»*

24 ноября 2022 года в рамках исследовательского проекта «Критическая проза А. С. Пушкина: проблемы изучения и эдичионная практика», реализуемого в Отделе пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, состоялось заседание научного семинара «Проблемы издания критико-публицистической прозы А. С. Пушкина». Основной задачей семинара стало обсуждение принципов публикации корпуса критической прозы в составе нового академического издания Полного собрания сочинений, начатого Пушкинским Домом в 1999 году, на основании комплексного изучения более чем полуторавековой эдичионной практики.

Заседание открылось докладом ученого секретаря Пушкинской комиссии РАН А. Ю. Балакина (Санкт-Петербург) «История публикации критической прозы Пушкина: от посмертного издания до первого академического издания». Охарактеризовав дореволюционную эдичионную практику в области издания критической прозы Пушкина в целом, докладчик уделил особое внимание сопоставлению результатов работы двух ключевых редакторов того времени — П. А. Ефремова и П. О. Морозова. Ефремов, занимавшийся изучением жиз-

ни и творчества Пушкина с начала 1860-х годов, был привлечен к подготовке собрания сочинений поэта издателем и книгопродавцем Я. А. Исаковым, владевшим правами на издание пушкинских текстов. Одна из основных задач нового редактора заключалась в исправлении многочисленных ошибок двух предыдущих исаковских изданий, вышедших под редакцией Г. Н. Геннади (СПб., 1859–1860; СПб., 1869–1871) и признанных современниками крайне неудачными. В собрании сочинений Пушкина 1880–1881 годов Ефремов постарался учесть отмеченные критикой недостатки, а также значительно расширил корпус пушкинской критики, включив в него ряд нехудожественных текстов, относящихся к разным жанрам: так, критико-публицистическая проза оказалась в одном ряду с историческими и биографическими материалами. В последующих изданиях Ефремов лишь уточнял датировки и незначительно изменял состав тома материалов non-fiction, так и не решившись на его кардинальную перестройку. Первое издание сочинений Пушкина под редакцией Морозова (СПб., 1887), внешне повторявшее композицию изданий Ефремова, стало настоящим прорывом в области пушкинской текстологии: обратившись к описанию пушкинских рукописей, выполненному В. Е. Якушкиным, редактор внес существенные исправления в опубликованные ранее тексты и ввел в собрание сочинений новые произведения. Балакин отметил, что процесс подготовки Морозовым тома критической прозы Пушкина особенно нагляд-

* Хроника подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01616: «Критическая проза А. С. Пушкина: проблемы изучения и эдичионная практика», <https://rscf.ru/project/22-28-01616/>, ИРЛИ РАН.

но отражен в наборной рукописи, где редактор работал поверх раскладки соответствующего тома ефремовского собрания сочинений. В начале XX века в издании Товарищества «Просвещение» (СПб., 1903–1906) Морозов предложил принципиально новый взгляд на структуру корпуса критико-публицистической прозы, которая позволяла представить Пушкина как участника литературного процесса 1820–1830-х годов. На ряде примеров Балакин продемонстрировал, как опыт структурирования корпуса текстов в издании Морозова был перенят новым поколением пушкинистов, которые готовили собрания сочинений в начале 1930-х годов.

Модератором второй, дискуссионной, части заседания выступила ответственный секретарь редколлегии академического Полного собрания сочинений Пушкина С. Б. Федотова (Санкт-Петербург). Предваряя обсуждение, она обозначила два принципа композиции томов критической прозы, наметившиеся уже в первых советских изданиях. Один из них, называемый условно «оксмановским», предполагает деление корпуса текстов на опубликованное при жизни Пушкина и неопубликованное (неизданное и черновое). Этот принцип композиции был предложен одним из ведущих текстологов-пушкинистов того времени Ю. Г. Оксманом и реализован в томе «Критика, история, автобиография» полного собрания сочинений, вышедшего приложением к журналу «Красная нива» на 1930 год (М.; Л., 1931. Т. 5). В дальнейшем ученый неуклонно следовал этому принципу в редактируемых им томах собраний сочинений ГИХЛ и «Academia». В полной мере реализация данного принципа достигнута, с точки зрения модератора, в восьмом и девятом томах полного собрания сочинений, вышедшего в издательстве «Academia» (М.; Л., 1936, 1937). Второй принцип — хронологический — реализован в одиннадцатом и двенадцатом томах полного академического собрания сочинений (М.; Л., 1949): он заключается в строго хронологическом представлении корпуса критико-публицистической прозы и не учитывает ни завершенности текстов (опубликованные либо подготовленные к печати vs оставшиеся незаконченными), ни их прагматики (для какого издания предназначались). Федотова напомнила участникам семинара о трагической судьбе советского академического издания, обратив особое внимание на судьбу томов критической прозы. Оба тома (одиннадцатый и двенадцатый) в соответствии с изначальным планом полного собрания сочинений должны были выйти в двух книгах каждый, при этом одиннадцатый том отводился полностью критике и публицистике, а двенадцатый (его первоначальное название — «Литературные и биографические материалы») должен был состоять из двух разделов: автобиографической прозы и «рукою Пушкина». Уже после войны, в преддверии очередного пушкинского юбилея 1949 года, к которому предполагалось завершить академическое издание,

коллектив исследователей столкнулся с серьезным сопротивлением Издательства АН СССР, требовавшего наполовину сократить двенадцатый том — биография этой «многострадальной» книги была подробно изучена Т. И. Краснобородько в статье 1989 года «„Нетворческие“ тексты А. С. Пушкина: проблемы издания». Впоследствии оба тома были уменьшены в объеме, а корпус критической прозы выбрал в себя ряд «иностраных» текстов, которые редакторы пытались спасти, поскольку было принято решение не печатать раздел «рукою Пушкина». История подготовки этих томов, восстановленная преимущественно по архивным источникам, позволяет нам сегодня объективно оценить сложности, с которыми столкнулись редакторы томов, и учитывать насильственное издательское вмешательство в собственно научный процесс. Хронологический принцип композиции томов критико-публицистической прозы, обоснованный одним из их редакторов В. В. Гишпиусом в 4–5 томе сборника «Пушкин: Временник Пушкинской комиссии», вслед за «большим» академическим изданием представлен и в так называемых малых академических десятитомниках под редакцией Б. В. Томашевского (Л., 1949. Т. 7; 2-е изд.: 1958; 3-е изд.: 1964; 4-е изд.: 1978).

Заслушав докладчиков, участники семинара в первую очередь остановились на обсуждении названия тома критики нового академического издания. Кажущееся бесспорным традиционное заглавие «Критика и публицистика», которое фигурирует как в упомянутых ранее академических изданиях, так и в послевоенном издании под общей редакцией московских пушкинистов Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова и Ю. Г. Оксмана (М., 1962. Т. 6), вызвало дискуссию. А. Ю. Балакин предложил рассмотреть вариант «Критика и журналистика», обратив внимание на то, что слово «публицистика» во времена Пушкина почти не использовалось. Напротив, слово «журналистика» было в ходу повсеместно; это понятие включало в себя весь комплекс повседневной журнальной работы — от редакционных заметок, примечаний и дополнений до полноценных журнальных статей. Участники семинара, не придя к единой точке зрения, договорились продолжить дискуссию в рамках следующих встреч.

Наиболее острым, как и предполагали организаторы семинара, оказался вопрос о композиции тома критической прозы. Единственно правильное решение, по мнению главного научного сотрудника Отдела пушкиноведения С. А. Фомичева (Санкт-Петербург), было принято Ю. Г. Оксманом: разделить корпус на опубликованное и предназначенное для публикации, с одной стороны, и незавершенное (включая отрывки, наброски и планы) — с другой, исследователь вычленил в составе опубликованной критической прозы ряд подразделов, которые наглядно представляют эволюцию критико-публицистической деятельности Пушкина.

Сторонницей противоположной точки зрения выступила ученый хранитель рукописей Пушкина Т. И. Краснобородько (Санкт-Петербург), указав на непоследовательность проведения принципа, предложенного Оксманом и реализованного им в ряде изданий. Так, им были выделены разделы «Публикации в „Современнике“» и «Статьи и заметки, предназначенные для „Современника“»; при этом раздел «Публикации в „Литературной газете“» не сопровождается аналогичным — «Статьи и заметки, предназначенные для „Литературной газеты“». Между тем в него могут быть включены и большой массив литературно-критических, полемических и автобиографических заметок «<Опровержение на критике>», и незавершенный цикл «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», и незавершенные статьи «<Баратынский>», «<О народной драме и драме „Марфа Посадница“>» и др. Все они — важные журнальные замыслы, которые Пушкин не смог реализовать из-за закрытия «Литературной газеты». В структуре оксмановского тома им отводится место среди мелочей в разделе «Незавершенное, отрывки, наброски, планы». Краснобородько выразила глубокое убеждение в том, что редакторы одиннадцатого тома академического издания В. В. Гишпиус и Б. М. Эйхенбаум, а позднее и Б. В. Томашевский сознательно избежали деления на опубликованное и неопубликованное, ведь хронологический принцип подачи этого разнородного материала, с трудом поддающегося систематизации, позволяет показать эволюцию Пушкина-критика.

Соглашаясь с необходимостью введения раздела «Статьи и заметки, предназначенные для „Литературной газеты“», С. А. Фомичев предложил еще два подраздела: публикации для «Северных цветов» («Отрывки из писем, мысли и замечания», «Отрывок из литературных летописей», «<О „Ромео и Джульете“ Шекспира>» и др.), а также заметки и материалы для газеты «Дневник» 1832 года. Исследователь подчеркнул, что расположение текстов блоками, едиными комплексами — материалы для «Северных цветов», «Литературной газеты», «Дневника», «Современника» — позволяет ясно увидеть движение Пушкина к «Современнику» как критика, публициста и издателя. Логика этой эволюции, по мнению Фомичева, должна быть обязательно показана в структуре тома.

Важным критерием для принятия решения о композиции тома, по мнению главного редактора нового академического издания, члена-корреспондента РАН М. Н. Виротайнен (Санкт-Петербург), должны стать общие принципы построения томов в собрании сочинений. В предшествующем академическом издании критика и публицистика были даны в хронологическом порядке потому, что так были построены все тома, включая тома лирики. Главный редактор обратила внимание участников семинара на принципиально иную структуру нового издания и предложила ввести в том

критики раздел «Оставшееся в рукописях» — по аналогии с разделом «Оставшееся в черновиках» в томах лирики. Альтернативное мнение высказала старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения Т. А. Китанина (Санкт-Петербург), предложив (вслед за С. А. Фомичевым) деление всего корпуса на «Опубликованное и подготовленное к печати» и «Неопубликованное». Несмотря на то, что запрещенные цензурой статьи (к примеру, «Александр Радищев») остались неопубликованными, их следует включить в первый раздел в соответствии с практикой вышедших томов лирики, где запрещенные цензурой стихотворения включены в основной корпус. Эта точка зрения в итоге нашла поддержку у значительной части аудитории.

За обсуждением композиции тома последовала дискуссия непосредственно о корпусе текстов. По справедливому замечанию С. А. Фомичева, тома критики в разное время наполнялись редакторами разножанровым материалом. Наряду с историческими и автобиографическими материалами туда включались даже художественные произведения — например, «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», прозаический текст, долгое время воспринимавшийся как рутинная журнальная публикация (ему Фомичев посвятил отдельный обстоятельный очерк в своей книге «Пушкинская перспектива»). «Очистка» корпуса критико-публицистической прозы от инородного материала была признана участниками семинара крайне необходимой. Однако наряду с очевидными примерами, такими как «<Вображаемый разговор с Александром I>», перенос которого в автобиографическую прозу не вызывает сомнений, жанровая принадлежность ряда текстов остается по-прежнему спорной. Так, автобиографическая составляющая боддинских «Опровержений на критике» позволила Я. Л. Левкович включить их в корпус мемуарной (автобиографической) прозы, несмотря на, казалось бы, устоявшуюся традицию печатать эти заметки в составе критической прозы.

Участниками семинара было высказано предложение решить этот вопрос дублированием текста (в зависимости от его прагматики) в разных томах одного издания. А. Ю. Балакин напомнил присутствующим, что текст, который при жизни Пушкина печатался под заголовком «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.», был опубликован в советском академическом издании трижды (в 4, 8 и 13 томах). Исследователь обратил внимание на заметку «Мои мысли о Шаховском», которая в разных изданиях публиковалась как в составе дневников, так и в составе критической прозы, предложив напечатать этот опус в новом академическом издании дважды. В поддержку этой точки зрения выступила Т. И. Краснобородько, отметив, что «Мои мысли о Шаховском» — не только первая проба Пушкиным «критического» пера, но и часть единого автографического комплекса, который принято называть

«Лицейским дневником 1815 года», и произвольное изъятие какого-либо фрагмента из него недопустимо. Однако к единому мнению по вопросу дублирования текстов участники семинара не пришли.

Отдельная дискуссия была посвящена проблеме включения в корпус критической прозы пушкинских «заметок на полях». Балакин отметил, что в двенадцатом томе прежнего академического издания в этом разделе напечатано только пять текстов — в действительности же их значительно больше, и среди них есть не публиковавшиеся ранее маргиналии. Краснобородько призвала проводить четкую границу между тем, что сам Пушкин называл «надстрочной критикой» (это, например, заметки на «Опытах в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, пометы на полях рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фон-Визине», обнаруженные В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсоном, и др.), и замечаниями историка (обильные пометы на полях книги «Заметки

о жизни и службе Александра Ильича Библикова») или переводчика (замечания на переводе А. Ф. Вельтмана «Слова о полку Игореве»). Все читательские маргиналии Пушкина были учтены исследователями предыдущих поколений, однако в то время Издательство Академии наук сочло избыточным публиковать корпус этих текстов. По мнению хранителя рукописей, собственно «надстрочная критика», не оформленная в связный текст, но отражающая важные мысли и наблюдения Пушкина, вполне может быть включена в корпус критической прозы.

Заседание семинара завершилось обсуждением дальнейших перспектив проекта: в частности, исследовательский коллектив анонсировал выпуск в 2023 году аннотированной библиографии научных и научно-популярных работ, посвященных критико-публицистической прозе Пушкина.

© В. В. Турчаненко

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-279-282

ОДИННАДЦАТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

7 декабря 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел Одиннадцатый Агиографический семинар, посвященный широкому спектру вопросов изучения русской агиографии и гимнографии, а также проблемам формирования и развития культур святых. Открывшая заседание М. А. Федотова напомнила присутствующим о задачах и тематике семинара и рассказала о новом проекте «Русская агиография: текстология, источники, поэтика» (РНФ, № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>), разрабатываемом учеными Пушкинского Дома (в нем принимают участие не только сотрудники Отдела древнерусской литературы, но и Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур и Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора) с привлечением коллег из Государственного исторического музея (Москва) и Московской духовной академии. В рамках этого проекта были подготовлены прочитанные на семинаре доклады С. А. Семячко, Т. Н. Галашевой, А. В. Волкова.

Открыл работу Агиографического семинара доклад Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) «К вопросу о почитании митрополита Петра в XV веке». Исследовательница дополнила систематическое описание истории почитания митрополита Петра, выполненное А. Г. Мельником, теми сведениями, которые содержат памятники литературы указанного периода.

Были проанализированы произведения, посвященные другим святым и святеньям (Жития митрополита Алексия и Никона Радонежского, «Сказание о Темир-Аксаке»); литературные тексты о перенесении мощей митрополита Петра («Похвальное слово», «Слово на перенесение мощей», «Служба на перенесение мощей»); памятники, созданные тезкой святого, священником московского кремлевского собора «любомудрецом Кифой» («Чудеса митрополита Петра» и Второе «Слово на перенесение мощей»). Подробнее были рассмотрены ключевые житийные тексты о святом — Краткое Житие и Житие, написанное Киприаном. Поставлен вопрос: на каком основании Краткое Житие считается самым ранним агиографическим памятником о святом, созданным до 1328 года (Клосс Б. М. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 18) и предшествующим Киприанову Житию? Датировка сохранившихся рукописей и анализ разночтений, по мнению исследовательницы, скорее указывает на то, что Краткое Житие было написано в конце 50-х — начале 60-х годов XV века. Это предположение требует дополнительных обоснований, особенно лингвистических, однако несомненно, что и гипотеза о раннем происхождении Краткого Жития, как показала Карбасова, больше не может «приниматься на веру» и требует доказательств.

С. А. Семячко (Санкт-Петербург) в докладе «К истории текста Жития Дионисия Глушиц-